

Русский балет обвивают в любви к традициям

Культура. - 2000. - 10-16 авг. - с. 11

Гастроли Мариинки в Германии

Приезда Мариинского (Кировского) балета в Германию, который впервые за долгие годы проводил гастроли в Берлине и Гамбурге, я ждала не только с огромным интересом, но и с большим беспокойством, потому как отношение к российскому балету здесь особое.

Один мой знакомый танцовщик, давно работающий в берлинской "Штаатсопера", сказал в день открытия гастролей, что о потрясающей школе петербуржцев немецкая критика писать не захочет. "С особым восторгом она будет муссировать бумажные цветы, реликтовый грим и кулисы на сцене. Ей интересны скандалы и эксперименты, а мы, танцовщики, в этих экспериментах только теряем форму и деградируем как профессионалы", — грустно заметил он.

И мне вспомнилась история с международным "Дягилевским проектом" в Леверкузене. Он был организован германским химическим концерном "Байер АГ" и посвящен вкладу российских мастеров в развитие мирового балета. Но ни один российский театр не был приглашен на этот фестиваль. Его организаторы мотивировали свою позицию так: "Все достижения русского балета остались в прошлом. Сегодняшнее состояние русской хореографии не впечатляет. А неукоосительное следование классическим традициям заведло русский балет к концу века просто в тупик".

Классика как поиск красоты и путь самосовершенствования с точки зрения немецких критиков выглядит атеизмом. И они позволили себе "приговорить" российский балет за сценическую красоту и верность классическим традициям.

Германия, никогда не являвшаяся балетной державой и известная лишь постмодернистскими экспериментами в области пластики, сейчас попросту упреждает многие балетные труппы и профессиональные училища.

Вернемся, однако, к "Дягилевскому проекту" в Леверкузене, куда нас германские "ценители прекрасного" комбинированно не пригласили. К сожалению, и здесь го-

Фото Н.Р.А. ИФЮИ

Сцена из спектакля "Драгоценности" ("Бриллианты")

ворить о высоком уровне европейских ансамблей и исполнительской школы не представляется возможным. И пусть таким талантливым постановщикам, как Фредерик Фламану и Йохану Ульриху, удавалось яркими режиссерскими ходами создавать впечатляющее действо, но ведь и они не в силах скрыть пластическую ущербность тел.

Лишь иногда в зеркале сцены появлялись счастливые исключения, но они оказывались русскими танцовщиками. Да и самой крепкой была труппа дрезденской Земпер-Оперы (директор Владимир Деревянко). Высококлассная техника труппы вдохновила Джона Ноймайера на создание собственной версии дягилевских балетов.

Многие деятели современного искусства, развивая язык сценического пространства за счет всевозможных, подчас эффектных приемов, умудряются напрочь игнорировать саму балетную технику. И это привело к активной деформации пластики. А ведь балет, каким бы экспериментальным он ни был, это прежде всего — искусство танца, превращенного долгими годами труда в особый язык тела.

Немецкий зритель, воспитанный на подобных "экзерсисах" критики и местного балета, вероятно, мог остаться в плену навязанных ему представлений, если бы Кировский балет, после триумфальных гастролей в Англии, не приехал в Германию.

Надо признать, что первый акт ("Измуруды") открывавших гастролей "Драгоценностей" настоятельно рекомендовал бурей аплодисментов. Невероятная грация кордебалета, поразительная пластика женских рук, воздушная геометрия поз, неповторимая индивидуальность исполнителей рождали на сцене давно забытую немецким зрителем магию заволакующей красоты. "Колыбель мирового балета", подарившая миру хореографические шедевры и блистательную плеяду таких танцовщиц, как Вацлав Нижинский, Анна Павлова, Рудольф Нуреев, Михаил Барышников, царила на сцене "Дойче Опер".

Созерцая совершенную красоту человеческого тела, совсем не хочется замечать, что хореография баланчинских "Измурудов" была и

вправду скучноватой, затянувшийся миманс "Баядерки" можно было бы подсократить, а старомодный грим не грех модернизировать. Хотелось лишь одного — чтобы балет не кончался...

Тем не менее не без настороженности я приступила к изучению немецкой прессы. И с большим удивлением обнаружила, что никто из воинствующих критиков не покусился почему-то на эталон классики — "Лебединое озеро".

Низвергатели традиционного искусства дружно выразили сожаление, что Берлин не увидел суперзвезду Ульяну Лопаткину. А чувственная женственность Юлии Махалиной в "Баядерке" и нежная, щемящая острота Дарьи Павленко, впервые исполнявшей невероятно сложные партии Одетты и Одиллии, вызвали восторг и у пишущих скептиков.

Правда, с самими балетом они обошлись довольно сурово: "Что касается этой постановки 1877 года, то, возможно, когда-то это и была новая вежа в истории балета, но сегодня это только пантомима в старых костюмах на музыку Минкуса, которую надо показывать как можно реже. Лишь заключительный "Белый акт", который происходит в мире теней, возвратил нас к истинному балету и подтвердил славу Кировской труппы, обладающей не только выдающимися солистами, но и невероятно высококлассными танцорами кордебалета" ("Берлинер цайтунг").

А "Драгоценности" Джорджа Баланчина (постановку осуществили хореографы международного фонда его имени) вызвали целую гамму размышлений.

"Трудно сказать, почему из нас следия Баланчина кировцами был выбран самый консервативный балет". "Измуруды" (первый акт) — название выразительны. И причина не только в музыке Габриэля Форе, но и в танцовщицах Кировского балета. Высокое искусство танца начинается лишь со второго акта ("Рубины" с Дианой Вишневой и Майей Думченко). Здесь с удовольствием вкушавшей воспитательное действие, которое создают и спор-

тивный темп, и строгие линии. Насколько богат Кировский балет выдающимися талантами, показывает последний акт — "Бриллианты". Реверанс Баланчина в сторону Мариусы Петипа и русской школы на музыку Чайковского в исполнении Светланы Захаровой и вернувшегося в Петербург из Нью-Йорк сити балле Игоря Зеленого демонстрирует публике легкотекущий одухотворенный стиль. Их па де де не весело. ("Берлинер цайтунг").

А вот рецензент "Тагесшпигель" поставил под сомнение возможность Кировского балета работать в современной пластике.

"Баланчин — эталон тонкой элгантности и утонченности, но Кировский балет превращает его хореографию в прямолинейное позирование, и это производит впечатление тяжеловесности и приземленности. Ближе к себе Баланчин подходит во втором акте — "Рубинах" (капризно Стравинского для фортепиано с оркестром). Однако и здесь и темп, и танцевальная атака исполнителей, очевидно, не совсем верно передают то, что хотел великий хореограф. Тонко дозированная эротика Баланчина у санкт-петербуржцев выглядит немного тяжеловатой. Тела танцоров кажутся не одухотворенными, а натренированными только на определенные позы. Лишь в третьей части Кировский балет чувствует себя более уверенно, потому как она наиболее близка к классике".

Но "Берлинер моргенпост" позволила себе однозначно признать успех петербуржцев: "Почему гастролеры открылись "Драгоценностями" Баланчина, вполне понятно. Этот балет, к сожалению, редко исполняется в мире, потому как требует блистательности всей труппы, стилистически безукоризненности и точности всех солистов и к тому же еще невыразимо большого исполнительского дарования и притягательности. И всем этим в совершенстве Кировский балет обладает".

Разбирая спектакль далее, рецензент пишет, что "Драгоценности" исполнялись танцовщицами невероятно по-баланчински и

очень по-американски. "В резких ритмах "Рубинов" — непередаваемый юмор в открытии человеческих тел и вечно поражающее изменение форм, поворотов и акцентов. Последняя часть — "Бриллианты" — завершающее потрясающее красивой сценой ансамбль группируется вокруг безукоризненно технически исполняемого па де де, которое является ядром действия. Балерины танцуют Баланчина так легко, будто это давно привычное дело. Изумруд — Жанна Аюпова, Рубины — Диана Вишнева и Майя Думченко, которые являются сами бриллиантами во всех смыслах этого слова, и Светлана Захарова — все они оправдывают блистательную славу 270-летней русской балетной школы".

"И по сей день балет Кировского театра, в котором 230 танцовщиков (!), — это оплот классического танца и всего, что касается образования, подготовки и соблюдения традиций классики. С 1995 года Махар Вазиев — директор балетной труппы театра, и под его руководством театр продолжает снова и снова обращаться к классическому модерну, поэтому вполне понятно, почему именно эти балеты и были привезены в Германию" ("Берлинер моргенпост").

В заключение мне хотелось бы сказать о том, что, к великому счастью, совершенный стиль вагановской школы, исповедующий венную тягу человека к прекрасному, достойно и осознанно смог уберечь себя от разрушений и перемен. Здоровый консерватизм, свойственный всему живому, ограждает его от искушения "смяться, раздеться со своим прошлым". И пусть весь мир с удовольствием вращается на полу, шагает из кулисы в кулису, шлепая босыми ногами по сцене, произносит патетические монологи посреди танца — божественная грация петербуржцев позволяет им, ни на кого и ни на что незирая, "перетекать" из века в век, ослеплять.

Александра ТУРГАН
Берлин